

СОТРУДНИКИ ГАЗЕТЫ «РУССКИЙ ИНВАЛИД» 1820-х гг.

В этой статье рассматривается роль сотрудников газеты «Русский инвалид» в становлении и развитии этого издания. Особое внимание уделяется двум журналистам – цензору иностранной периодической печати петербургского почтамта И.П. Оденталю и литератору В.И. Козлову. Их журналистская деятельность представляет наибольший интерес для исследователя.

Ключевые слова: П.П. Пезаровиус, «Русский инвалид», И.П. Оденталь, В.И. Козлов, «Северная пчела», А.Х. Востоков, Ф.В. Булгарин.

П.П. Пезаровиус вошел в историю России как человек, совершивший филантропический подвиг. Успешный чиновник, влиятельный масон, член могущественного Библейского общества, с 1813 по 1821 г. он собрал более миллиона рублей пожертвований для изувеченных солдат Отечественной войны и способствовал созданию государственного Комитета о раненых. И даже нелестные отзывы, которые оставили о филантропе некоторые современники – интриган, ветреник, подлый угодник, мистик и проч., – не поколебали того факта, что Пезаровиус верно служил на благо Отечества¹.

Филантропическая деятельность Пезаровиуса неразрывно связана с тем, что он был основателем и редактором влиятельной газеты «Русский инвалид». В этой статье речь пойдет о малоизвестных сотрудниках «Русского инвалида», которые работали вместе с Пезаровиусом и придавали газете ее своеобразный облик.

В 1813–1821 гг. военная и благотворительная газета Пезаровиуса выходила на русском, немецком и польском языках. С 1819 г. в

польском варианте «Русского инвалида» печатал свои стихи, рассказы и воспоминания журналист Ф.В. Булгарин. «Человек смиренный, но бесхарактерный и без всякой деликатности в чувствах; ума весьма ограниченного. До сих пор ни в чем не был замечен»² – так Булгарин охарактеризовал М. Маркьяновича, который отвечал за издание польского «Инвалида». Кстати, в 1830-х годах «Видок Фиглярин» будет слать на «интригана» Пезаровиуса доносы в III Отделение, спорить с ним по поводу «польского вопроса» и обвинять филантропа в том, что он «наделал много зла» на посту вице-президента Евангелическо-лютеранской консистории. Несмотря на это, в 1847 г. «Северная пчела» Булгарина опубликует некролог Пезаровиусу, где назовет его «человеком добрым, благотворительным, усердным и неутомимым в делах на помощь ближнему»³.

В отечественном варианте «Русского инвалида» выходили в основном материалы зарубежной прессы. Первый месяц 1813 г. статьи для газеты переводил выдающийся филолог балто-немецкого происхождения А.Х. Востоков, написавший, в частности, «Опыт о русском стихосложении». Когда Востоков из-за загруженности научной работой отказался от участия в «Инвалиде», Пезаровиусу порекомендовали взять в переводчики цензора иностранной периодической печати петербургского почтамта И.П. Оденталь – человека, по словам Пезаровиуса, талантливого, но чрезвычайно гордого и вспыльчивого. Обрусевший немец Оденталь слыл ярким патриотом и критиковал М.И. Кутузова за то, что полководец брал наполеоновских солдат живыми в плен.

Чиновник почтового ведомства согласился работать на Пезаровиуса за приличное вознаграждение. При этом Оденталь поставил одно условие: редактор «Инвалида» должен являться к нему по первому требованию. И вот однажды – Пезаровиус во всех красках рассказывает об этом в своей автобиографии – Оденталь неизвестно для чего прислал за ним поздней ночью. На улице стояла «сильная мартовская оттепель». Несмотря на плохую погоду и неурочный час, Пезаровиус поднялся с кровати и пешком – извозчика как назло не оказалось – добрался до квартиры переводчика. Сильно запачкавшийся, издатель «Русского инвалида» вошел к Оденталу, который сидел за письменным столом, обложившись иностранными газетами и журналами. Здесь Пезаровиус приводит слова Оденталь: «“Вот” – сказал он мне, указывая на стол у дверей, за который я должен был сесть, – “последние Берлинские газеты. Витгенштейн побил французов при Лейпцау. Выписывайте, что нужно, и дайте мне свои выписки; – я тотчас переведу их на русский язык”»⁴.

Едва Оденталь закончил перевод, Пезаровиус помчался в типографию, и в восемь часов утра публика прочла в «Русском инвалиде» то, о чем гораздо позже – дня через 2–3 – узнала из иностранной прессы. Благодаря чиновнику почтамта газета стала опережать конкурентов, отчего вскоре разошелся слух, будто Пезаровиус завел обширную сеть иностранных корреспондентов. Это заметно увеличило подписку и позволило редактору «Русского инвалида» удержаться на плаву.

Добавим, что Оденталь, по всей видимости, был членом Библейского общества. На эту мысль наводит то обстоятельство, что президент Общества – глава Министерства духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын – руководил почтовым ведомством, а среди чиновников данного ведомства, по мнению исследователей, «редкий не был включен в какую-нибудь ложу или отдел»⁵. Пезаровиус недолго сотрудничал с Оденталем: переводчик скончался в 1816 г.

Поэт и литературный критик В.И. Козлов работал в «Русском инвалиде» с 1814 по 1822 г. После его смерти в 1825 г. «Северная пчела» сообщила, что именно Козлов написал все самое лучшее в неофициальной части «Инвалида». Дружеские письма Козлова писателю и издателю П.И. Шаликову, опубликованные в 1829 г. в «Дамском журнале», проливают свет на взаимоотношения Козлова с Пезаровиусом. Старший сын московского купца, Козлов один год проучился в Практической коммерческой академии, но не почувствовал интереса к коммерции и поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Закончив обучение, 22-летний поэт, помещавший свои стихи в «Вестнике Европы», перебрался в Санкт-Петербург, где в 1814 г. познакомился с Пезаровиусом и устроился на работу в «Русский инвалид». «Василий Иванович охотно принял сие место, которое, обеспечивая его в содержании, не препятствовало притом вести жизнь свободную и независимую»⁶, – говорилось в некрологе Козлову, опубликованном «Северной пчелой». Молодой поэт вел в газете рубрику «Разные известия», писал литературные рецензии и обзоры, а также попеременно с Пезаровиусом – статьи о пожертвованиях.

Днем Козлов сочинял статьи для «Инвалида», а вечером – отправлялся в лучшие дома Санкт-Петербурга. «Я завтракаю у Каммер-Юнкера, прогуливаюсь с Фрейлинами – что всего важнее – угощал однажды у себя завтраком пол-дюжины Графинь и Баронесс!»⁷, – писал Шаликову молодой поэт, страстный любитель большого света. Козлов считался знатоком светского этикета и, пожалуй, мог многим князьям и графам преподать урок о том, в каком costume следует делать утренние и вечерние визиты; когда

надевать сапоги, а когда – штиблеты или башмаки; как правильно поздравлять с днем рождения и именинами и т. д. Вращаясь в блистательном обществе, сотрудник «Русского инвалида» сыпал остроумными шутками, пародировал французские песни, веселил собеседниц загадками и анекдотами.

Вместе с тем Козлов, по его словам, страдал от душевной пустоты и одиночества. Российскую столицу он сравнивал с бесплодной «африканской степью», где нет «ни одного лесочка, ни одного ручейка!». Нередко поэт, под утро вернувшись в свою комнатку из гостей, предавался печальной «мечте о последнем часе жизни моей»: «И та представляет мне мало усадительного: я умру на чужой стороне, и ни одна горячая слеза не канет на мою могилу; одни поздние вздохи друзей моих утешат блуждающую в пространстве эфира тень мою! Зато одна мысль доставляет мне какое-то небесное наслаждение: мысль, что тогда спадёт маска предрассудков и случайностей и меня увидят во мне!»⁸. В одном из писем Козлов выразил надежду, что Шаликов не посчитает его «плаксивым Дон-Кихотом, который сражается с небывальными горестями»⁹.

Как заметил один из знакомых Козлова, молодого человека тяготила холостая жизнь. Сам поэт не был обделен женским вниманием, однако он грезил об идеале. В одной девушке Козлов находил острый ум и познания, во второй – мягкий характер, в третьей – веселый нрав, однако «соединения всех сих совершенств, небесной гармонии всех добрых качеств, существа, совершенно соответствующего моему идеалу, образовавшемуся в душе моей еще в лета детства, – такого существа не нахожу здесь и, может быть, не найду никогда! Не мудрено: такое совершенное творение должно быть только одно в мире!»¹⁰. Не исключено, что в конце концов Козлову удалось приблизиться к своему идеалу. Во всяком случае, «Северная пчела» в некрологе 1825 г. писала, что жизненные силы поэта подкосила не только простуда, переросшая в «злую» чахотку, но и некая «чувствительная и неожиданная потеря».

Козлов признавался, что иногда труд становился для него единственным способом забыть о душевных страданиях. Тогда он умолял «доброто Пезаровиуса» избавить его от темных мыслей, загрузив работой. «Плод такого расположения духа получите в непродолжительном времени, под титулом: “Чудесное распятие; предание первых веков Христианства”»¹¹, – писал Козлов П.И. Шаликову.

Рассказывая старшему товарищу о редакторе «Русского инвалида», который помог Козлову худо-бедно обустроиться в незнакомом Петербурге, молодой поэт часто использовал выражение «нет розы без шипов». Однажды, жаловался Козлов, Пезаровиус насто-

ял на том, чтобы он использовал в переводной статье о путешествии Александра I эпитет, который, по мнению Козлова, совершенно искажал авторскую мысль. В другой раз поэт извинялся перед Шаликовым за то, что его произведение долгое время не печатают в «Инвалиде», и всю вину валил на издателя: «Медленности не я был причиной. Будучи только сотрудником, не могу располагать помещением статей; сам же издатель, при множестве дел своих, не редко позабывает о некоторых»¹². Еще Козлов выражал недовольство работой другого сотрудника «Инвалида», которому Пезаровиус, боясь перегрузить поэта, отдавал переводить некоторые статьи.

«Все сие однако ж я охотно забываю, – писал Козлов, – находя, впрочем, в г-не Пезаровиусе одного из почтеннейших людей в мире, истинного христианина и ревностного друга человечества! Поведение сего редкого человека в отношении ко мне не оставляет мне ничего более желать. Каждый раз, когда я намекну ему только о надобности в деньгах, он уже выводит меня из замешательства, предлагая оные сам»¹³. Именно в угодность своему «благодетелю» Козлов вызвался помещать в немецком варианте «Русского инвалида» литературные рецензии и обозрения.

О других сотрудниках «Русского инвалида», плотно сотрудничавших с П.П. Пезаровиусом в 1813–1821 гг., неизвестно ничего, кроме их инициалов – Б.В., Г.В., С.П. и т. д. Очевидно лишь, что эти журналисты, как и романтический В.И. Козлов, были непосредственными свидетелями увольнения Пезаровиуса с поста редактора благотворительной газеты. На их глазах филантропу – из-за изменившейся политической обстановки – запретили публиковать политические статьи, а также издавать «Русский инвалид» на немецком и польском языках.

В течение восьми лет Пезаровиус по мере сил приносил пользу Отечеству. В 1821 г. основатель «Инвалида» напишет А.А. Аракчееву, что он находит «сладостное утешение» в том, что «заведение “Русского Инвалида” было несколько полезным и с самого начала до нынешнего дня не стоило казне ни одного рубля»¹⁴. Не исключено, что схожее чувство испытывали многие сотрудники «Инвалида», заставшие золотые годы этого выдающегося издания царской России.

Примечания

¹ См. о нем: Ушаков О.А. Журналистская деятельность П.П. Пезаровиуса // Вестник РГГУ. 2014. № 12 (134). Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». С. 28–36.

- ² *Булгарин Ф.В.* Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение / Сост. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 128.
- ³ Некрология // Северная пчела. 1847. № 150. С. 2.
- ⁴ *Пезаровиц П.П.* Краткая история газеты «Русский инвалид». СПб.: Воен. тип., 1843. С. 12.
- ⁵ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Киев: Путь к истине, 1996. С. 149.
- ⁶ Некрология. С. 4.
- ⁷ Письмо В.И. Козлова к П.И. Шаликову от 4 августа 1814 г. // Дамский журнал. 1829. № 39. С. 10–11.
- ⁸ Там же. С. 8–9.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Письмо В.И. Козлова к П.И. Шаликову от 12 октября 1814 г. // Дамский журнал. № 43. С. 1.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Памяти основателя русского инвалида // Военный сборник. 1903. № 2. С. 51.